

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ВОЙСК НА КУЛИКОВОМ ПОЛЕ

Две армии, сразившиеся не Куликовом поле, по составу существенно различались. Мамай возглавлял контингент профессионалов. Основой этого войска была ордынская конница девяти подвластных ему улусов, усиленная отрядами вассальных союзников и наемников. Московский же великий князь Дмитрий Иванович был вынужден использовать помимо, несомненно, уступавшей татарам в численности княжеской и боярской конницы поддержавших его русских земель **народное ополчение**. Оно состояло по преимуществу из людей, которые в первый раз становились участниками крупного сражения, не имея еще ни боевого опыта, ни профессиональной подготовки. Доказывает этот факт летописная оговорка, сообщавшая, что, когда в битву вступил решивший ее исход засадный полк князя Владимира Андреевича Серпуховского и ожесточенность сражения достигала апогея, в русском войске «мнози же **небывалцы** видѣвше то и устрашишася, и живота отчаявшеся»¹.

Нет причин, чтобы утверждать, что русские победили армию Мамай, **превосходившую их по численности**. Общее количество войск у русских и у татар могло иметь соотношение даже в пользу московской рати. Но при этом количественная неравновеликость противостоявших войск Дмитрия Ивановича и войск Мамай как бы уравнивалась неравнозначностью военного профессионализма значительной части основных контингентов у москвичей и у ордынцев. Нас не должна поэтому удивлять величина приводимых летописями цифр, когда говорится об общем числе собранных русских войск (я имею в виду, естественно, только те летописи, где эти цифры еще не подвергнуты позднейшей гиперболизации).

В грозной исторической обстановке 1380 г., когда само существование Руси оказалось под смертельной угрозой, ее народное ополчение и должно было стать беспрецедентно многочисленным. Об этом вполне однозначно и единодушно говорят летописцы: «От начала миру не бывала сила такова русских князей, яко же при сем князи великом ДмитриИ Ивановиче, бѣяше всея силы полтораста тысячь или съ двѣсти тысящи»².

Из ученых XIX столетия наиболее обстоятельный разбор похода 1380 г. и сражения на Куликовом поле осуществил генерал Д. Ф. Масловский — профессор кафедры истории военного искусства Николаевской академии Генерального штаба. Не подвергая анализу гиперболические данные позднейших летописей о количестве русских войск на Куликовом поле, Д. Ф. Масловский сразу остановился на цифре 100—150 тысяч, заметив при этом, что «такой великой армии никогда не запомнят на Руси» [Масловский, с. 215]. Вопрос о размерах самого поля битвы он не обсуждал, но обратил внимание на то, что при устоявшейся тогда локализации этого поля и при устоявшемся тогда взгляде на общее расположение войск выбор русской позиции — спиной к Дону и Непрядве — следует признать неудачным, так как при этом армия Дмитрия Ивановича оказалась бы в мешке и в случае поражения могла вся погибнуть.

Вплоть до 80-х годов XX в. наши историки придерживались тех же в основном представлений о количестве русских войск. Правда, в 1910 г. А. А. Шахматов внес важное уточнение. Он верно истолковал странные слова летописца «сто тысяч и сто» при указании количества русских войск как результат палеографической ошибки, исказившей информацию о 170 тысячах [Шахматов, с. 127]³. К сожалению, указание А. А. Шахматова на последующие работы историков заметно не повлияло.

В дважды опубликованной специальной работе о Куликовской битве М. Н. Тихомиров приводит летописные цифры «в 100 или 150 тысяч воинов», не решаясь их «отвергнуть или подтвердить». Он напомнил, что «Великая армия» Наполеона, перешедшая Неман, насчитывала 420 тысяч человек, а в Бородинской битве с обеих сторон сражалось 250 тысяч человек» [Тихомиров, с. 252—253].

Л. В. Черепнин, констатируя, что «общую численность русского войска, двинувшегося навстречу полчищам Мамай, летописные своды определяют по-разному», приводит эти различающиеся цифры: «от 150 до 200 тысяч», «около 200 тысяч», «свыше 200 тысяч», 300 тысяч и «свыше 400 тысяч». Подводя итог, Л. В. Черепнин отмечал: «Во всяком случае, все памятники летописания подчеркивают, что в 1380 г. Русь смогла выставить против ордынских захватчиков войско в таком количестве, какое раньше никогда еще не удавалось собрать». По заключению Л. В. Черепнина, «в бой с Ордой вступило

¹ ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 465. (Здесь и далее выделения полужирным шрифтом в цитатах принадлежат мне. — С. А.) Ср.: ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Вып. I. С. 320; М., 2004. Т. XLIII. С. 135.

² ПСРЛ. Т. VI. Вып. I. Стб. 458. Ср.: ПСРЛ. Т. IV. Вып. I. С. 314; Т. XLIII. С. 132.

³ Подробнее об этом ниже в примеч. 7.

подлинно народное ополчение. Учитывая, что летописные данные, вероятно, несколько преувеличены, можно допустить, что реальная цифра русских вооруженных сил, участвовавших в борьбе с Мамаем, достигала 100–150 тысяч» [Черепнин, с. 606–607]. Любопытно, что почти все недавние историки, писавшие о Куликовской битве, отказывались верить летописным сведениям о численности русских войск, прибывших на Куликово поле, — на том основании, что размеры самого поля будто бы не позволяли поместиться на нем несколькими сотнями тысяч воинов.

В подробной юбилейной брошюре 1980 г., принадлежащей археологу А. Н. Кирпичникову, читаем следующее (с отсылками к трудам М. Н. Тихомирова, А. А. Строкова и Л. В. Черепнина): «Историки склоняются определить силы каждой из враждующих сторон в 100–150 тыс. человек», однако «эти исчисления нуждаются в корректировке» [Кирпичников, с. 62], ибо «предполагаемые размеры удобного для битвы поля (2,5–3 на 4 км) не позволяли бы развернуть такие силы» [Там же, с. 64]. А. Н. Кирпичников не сообщил, на чем базируются его сведения о столь малой площади поля, «удобного» для сражения. Но, согласно его итоговым заключениям о количестве русского войска в 1380 г., «численность тактических единиц, непосредственно участвовавших в битве, предположительно, 40–45 тыс. человек» [Там же, с. 65–66]. Таким образом, ученый уменьшал в два-три раза минимальные данные русских летописей.

Необходимо отметить, что А. Н. Кирпичников, говоря о численности русских войск на Куликовом поле, странным образом уклонился от привлечения обычно используемых летописей, наиболее близких по времени составления к событиям 1380 г., — летописей, в которых сообщаются реальные цифры, а упомянул только Никоновскую летопись XVI столетия, где фигурирует явно недостоверная цифра 400 тысяч (о происхождении этой летописной ошибки будет сказано ниже). Еще более странным является отбор используемых А. Н. Кирпичниковым иностранных источников. Он приводит для своих сопоставлений суждения **позднейших** сербских и польских авторов по поводу сражений на Косовом поле в 1389 г. и при Грюнвальде в 1410 г., но вовсе умалчивает о том, как сообщали иноземные **современники** о сражении на Куликовом поле в 1380 г. Между тем их сведения о количестве войск не раз публиковались, они близки к показаниям русских летописей XV столетия и использовались еще Н. М. Карамзиным. Таковы сообщения немецких хронистов XIV столетия Детмара⁴ и Позильге⁵, таков рассказ немецкого историка конца XV в. Альберта Кранца [Krantz, p. 207].

Впечатляющая избирательность А. Н. Кирпичникова в подходе к источникам, по-видимому, связана, помимо прочего, со стремлением попасть в русло намечающейся тенденции. В его брошюре мы имеем дело с отображением первых отзвучиваний начинавшегося как раз тогда под эгидой Государственного исторического музея и Института географии Академии наук комплексного исследования палеоландшафта у низовий Непрядвы. Место для изучения было определено привычным, но ошибочным представлением, что именно там произошло сражение 1380 г. Напечатанные впоследствии результаты этого исследования требовали согласиться с тем, что в эпоху Куликовской битвы открытые участки лесостепной местности вблизи нижнего течения Непрядвы по площади были невелики [Александровский, с. 70]. Этим оказалось как бы «подкреплено» начатое по существу именно брошюрой А. Н. Кирпичникова и приобретшее настойчивый характер в 90-е годы XX в. и позже оспаривание некоторыми историками, в особенности археологами, реалистичных представлений о масштабах сражения на Куликовом поле — представлений, опиравшихся на показания летописей⁶.

В 1980 г. В. А. Кучкин, соглашаясь с заключением А. А. Шахматова, еще писал, что «цифра в 170 тыс. воинов Дмитрия не кажется завышенной» [Кучкин, с. 11], а в 1998 г. он пишет (отзываясь на это же заключение А. А. Шахматова), что «на пространстве Куликова поля просто невозможно было технически разместить две армии по 100000 или более человек в каждой» и что «предводительствуемое Дмитрием Московским русское войско» лишь «достигало нескольких десятков тысяч человек»⁷.

⁴ Detmar-Chronik von 1101–1395 mit der Fortsetzung von 1395–1400 // Die Chroniken der Deutschen Stadte vom 14. bis 16. Jahrhundert. Leipzig, 1884. Bd 19. S. 568.

⁵ Scriptorum rerum Prussicarum. Leipzig, 1866. T. III. P. 114–115.

⁶ Наиболее удивительное минимизирование Куликовской битвы декларировал в своих опубликованных суждениях ученик А. Н. Кирпичникова тульский археолог О. В. Двуреченский.

⁷ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 51–52: в примечаниях к тексту Летописной повести о Куликовской битве в Софийской первой летописи. В. А. Кучкин отклонил предположение А. А. Шахматова о том, что сообщенная в этой летописи цифра «100000 и сто» образовалась в результате неверного прочтения цифр *ѣр* (100000) и *ѣд* (70000) из-за того, что *ѣд* было истолковано как *р* (100) [Шахматов, с. 127]. Однако В. А. Кучкин, по-видимому, не учел, что, как указывал здесь же в сноске А. А. Шахматов, именно такие цифры «по свидетельству Хронографа, имел общерусский свод — “И сочте князь великий своя силы сто тысяць, а у князей его 70 т.”».

В 2003 г. А. Е. Петров в обзорной статье пришел к заключению, что реальными являются «пространство для боя», достигавшее только **2–3 квадратных километра** и «численность войск в **30–40 тысяч** человек с каждой стороны» [Петров, с. 29].

В 2005 г. тульские археологи М. И. Гоняный и О. В. Двуреченский в интервью московскому журналу сообщали, что «**протяженность места боевых столкновений — два километра** при максимальной ширине восемьсот метров» и что на этой площади Куликова поля сражались «**от пяти до десяти тысяч** как с той, так и с другой стороны» [Чеботарев, с. 95–96]⁸.

В 2007 г. Тульским музеем была опубликована под редакцией его директора археолога В. П. Гриценко энциклопедия «Куликово поле», где сказано (без конкретных отсылок к чьим-либо исследованиям), что «по последним научным данным, русские войска выстроились, имея за спиной Дон и Непрядву между балкой Рыбий Верх и Смолкой, **занимая фронт не более полутора километров**»⁹.

А в 2013 г. Тульский музей издал антологию «Куликово поле», где в комментарии ее составителя археолога А. Н. Наумова к переизданию давней брошюры И. Ф. Афремова можно уже прочесть следующее (с глухой отсылкой к статье О. В. Двуреченского): «Итоги современных исследований поля Куликовской битвы показывают, что само сражение разыгралось в узком пространстве водораздела р. Смолки и балки Рыбий Верх **на фронте не более 1 км**»¹⁰.

Возникает впечатление, что тульские археологи как бы соревновались в попытках минимизировать сражение, вразумительных следов которого они не сумели найти, так как неверно истолковывали указания письменными источниками места, где на самом деле произошла великая битва 1380 г.¹¹

Забавный «выход» из создавшегося тупика в 2010 г. предложил автор двухтомного сочинения о Куликовской битве А. В. Журавель. Рассуждая «о емкости Куликова поля», он констатирует, что «в настоящее время оно практически всеми исследователями рассматривается как непреодолимое препятствие для размещения там 100-тысячных ратей: они, мол, там просто не уместятся!» [Журавель, с. 357]. По убеждению же самого А. В. Журавеля, «на Куликовом поле сошлись рати численностью порядка 100 тысяч человек с каждой стороны» [Там же, с. 360]. А протяженность «линии непосредственного соприкосновения войск», согласно его мнению, «составляла порядка 1100 м (700 м между балками Рыбий верх и Прудовой и 400 м в лесу на берегу Смолки)» [Там же, с. 357].

По заключению А. В. Журавеля, общая численность русского войска, прибывшего на Куликово поле, — «150 тысяч», из которых «треть составляли вспомогательные подразделения» [Журавель, с. 356]. Соответственно, в самом сражении непосредственно участвовали со стороны русских 100 тысяч человек.

В своих дальнейших рассуждениях А. В. Журавель исходит из следующей посылки — прямо им не объявляемой, но подразумеваемой: все участники битвы были хорошо вооруженными воинами, доспехи которых весили приблизительно 20 килограмм, не считая веса самого оружия и щитов. Сославшись на «опыт современных военно-исторических клубов», А. В. Журавель заключил, что «имея на себе порядка 20 кг железа, держа в руках железный меч и щит», физически крепкий воин того времени мог «выдержать активный бой в среднем... 2 минуты» [Журавель, с. 357]. По словам А. В. Журавеля, «такой бой — взаимное ожидание, кто раньше пустится в бегство. Если этого не происходило, то бойцы, вступившие в этот скоротечный бой, должны были либо погибнуть, либо быстро выйти из него» и «битва происходила как последовательность “суимов” — коротких схваток, после которых уцелевшие отступали или шли отдыхать, а на смену им подходили другие» [Там же, с. 357]¹². По словам А. В. Журавеля, он даже произвел «расчет», который хотя и «условен», но «ясно показывает, что в течение трех часов на относительно небольшом пространстве Куликова поля вполне могли и должны были поучаствовать все 200000 человек» [Там же, с. 357–358].

⁸ Здесь излагается беседа с руководителями археологических работ на Куликовом поле М. И. Гоняным и О. В. Двуреченским.

⁹ Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия / Под общей редакцией В. И. Гриценко. Тула, 2007. С. 316–317.

¹⁰ Куликово поле: Антология публикаций XIX–XX веков / Составитель и автор комментариев А. Н. Наумов. Тула, 2014. С. 131. Для подтверждения здесь дается отсылка к с. 225 недавней статьи О. В. Двуреченского [Двуреченский], на которой на самом деле нет речи ни о р. Смолке, ни об одном километре.

¹¹ Археологи не нашли следов захоронений погибших в Куликовской битве вследствие того, что искали их вблизи «устья Непрядвы», имея в виду то значение слова «устье», какое преобладает в наше время. Летописцы же под словом «устье» разумели исток этой реки из озера Волово — на расстоянии приблизительно 40 километров от места впадения ее в Дон. См. об этом подробно: [Азбелев, 2013].

¹² Ср.: «СУИМ — схватка: — Убьень бысть на первомъ суимѣ» (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т. III. Стб. 614).

Внимательное отношение этого автора к летописным сведениям о численности войск похвально, но его расчет элементарно неверен, так же как, разумеется, неверны и его исходные сведения о протяженности поля боя.

На самом деле, при той «линии непосредственного столкновения», о которой пишет А. В. Журавель, — «порядка 1100 м» [Журавель, с. 357] — и при том, что, согласно его уверенности, «2 минуты» — это «максимальный срок, в течение которого воин может продержаться на линии смерти, занимая 1 м ее протяженности» [Там же, с. 357], каждый из 100 тысяч русских воинов мог **только один раз в продолжение двух минут** поучаствовать в битве, и если при этом не погибал, то все остальное время либо отдыхал, либо обращался в бегство.

Чтобы расчет приобретал достаточные черты серьезности, следует принять за протяженность «линии непосредственного столкновения» не 1100 метров, о которых пишет А. В. Журавель (исходивший из ошибочного традиционного представления о самом месте, где происходила битва), а 10 верст, о которых, как правило, говорится в летописях (летописи вовсе не упоминают ни Смолку, ни балку Прудовую, ни балку Рыбий Верх, к которым по собственному разумению привязывали Куликовскую битву недавние предшественники А. В. Журавеля). И — согласиться, что большинство из 100 или 150 тысяч русских участников битвы в течение трех часов, о которых сообщают летописцы, не ограничивались, конечно, одной двухминутной схваткой, а многократно вступали в «непосредственное столкновение» с противниками. Как замечал уже упомянутый мною историк военного дела, «летопись под 1395 г. в полном соответствии с источниками тимуровской поры описывает бой между Тохтамышем и Тимуром, **состоявший из серии схваток-суимов**» [Кирпичников, с. 60]¹³.

Аналогично происходило сражение 1380 г. на Куликовом поле. Характеризуя эту битву русских с татарами как «величайшее в памяти людей сражение», упомянутый уже мною Альберт Кранц (ошибочно отнесший событие к 1381 г.) писал: «Как обычно сражаются, оба народа не стоя, а набегая большими вереницами, бросают копья и наносят удары и вскоре отступают назад» [Krantz, p. 207].

Летописная повесть о Куликовской битве оговаривала конкретно личное участие в ней великого князя Дмитрия Ивановича: «бил бо ся с татары в лицѣ, ставъ напредѣ на 1-мъ суиме»¹⁴. Из дальнейшего текста явствует, что великий князь затем продолжал активно действовать в сражении. Так же поступали, разумеется, и рядовые русские воины, остававшиеся в живых после участия в первом суиме.

Побоище 1380 г. на Куликовом поле — не театрализованная игра «военно-исторических клубов», а смертельное противостояние людей, вставших на защиту своей страны и своего народа от армии грабителей и насильников. На протяжении десяти верст у истока Непрядвы совершалось подлинно эпическое событие русской истории.

Устранить несуразности недавних трактовок сражения 1380 г. можно, только отказавшись от неверной его локализации.

Что касается численности армии Мамаю, то прямых сведений об этом в бесспорно достоверных восточных источниках пока не найдено¹⁵. Но ряд косвенных данных позволяет приблизительно ее установить. Под властью Мамаю было девять улусов, каждый из которых мог выставить 10 тысяч воинов. Кроме того, до 10 тысяч могли выставить названные в летописях «бесермены» (волжские булгары). Остается неизвестным количество упомянутых летописями «фрязов» (вероятнее всего — крымских геноуэцев), «черкасов», ясов, буртасов и армян. Как резюмировал не так давно нынешний исследователь истории Орды Ю. В. Селезнев, «общее число Мамаевых войск составляло не менее 100 тысяч», поэтому сведения, определяющие «численность татар в 100–150 тысяч человек, можно считать близкими к истине» [Селезнев, 2000, с. 298]¹⁶.

¹³ Приведу соответствующий летописный отрывок: «И поиде с тмочисленными полкы на царя Тахтамышя Большая Орды, и бысть имъ въ полѣ чистѣ бой... И толико бысть пробито отъ обою въ соймѣхъ тѣхъ, аки нѣкыя великыя сѣнныя валы лежаше обоихъ избивенныхъ» (ПСРЛ. М., 2000. Т. XI. С. 159).

¹⁴ ПСРЛ. Т. XLIII. С. 136.

¹⁵ Такие сведения есть в «Джагфар Тарихы» — выполненном в XX в. русском переводе утраченного древнебулгарского текста (реальное существование которого категорично оспаривается). Согласно этому тексту, у Мамаю было 80 тысяч ордынцев и 5 тысяч союзников из булгар и воинов других национальностей с двумя болгарскими пушками (которые в бою ни разу не выстрелили и были вместе с пушкарем захвачены русскими). См. об этом тексте: [Гагин]. Ср. также его критику в сборнике: Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011.

¹⁶ У этого автора, впрочем, присутствует досадная неточность. Цифры 100–150 тысяч в отношении татарского войска находятся не в русских летописях (что безапелляционно утверждает, не отослав к конкретным источникам, Ю. В. Селезнев), а в использовавших летописи исследовательских работах, где эти цифры были выведены гипотетически — по аналогии с критически интерпретируемыми летописными сведениями о количестве войска московского. Как можно думать, более точно этот же автор высказался в статье, опубликованной годом позже: [Селезнев, 2001, с. 151–152]. Здесь названа численность войск Мамаю — около 100 тысяч.

В войске Мамаю генуэзские пехотинцы выполняли, очевидно, далеко не последнюю роль. Никоновская летопись сохранила важные подробности схождения двух войск, русского и ордынского, которые двигались навстречу друг другу с противоположащих холмов: «И изполчишася христианьстии полцы вси и возложиша на себе доспѣхы, и сташа на полѣ Куликовѣ на усть Непрядвы рѣки; бѣ же то поле велико и чисто и отлогъ великъ имѣа на усть-рѣки Непрядвы. И выступиша татарская сила на шоломе и поидоша съ шоломяни; тако же и христианьская сила поидоша съ шоломяни и сташа на полѣ чистѣ, на мѣстѣ твердѣ»¹⁷.

Упомянутые здесь холмы находятся на реальном месте сражения вблизи истока Непрядвы. «И бѣ уже 6 часъ дъни; сходящимся имѣ на усть-Непрядвы рѣки и се внезапно сила великаа татарская борзо с шоломяни грядуще, и ту паку, не поступающе, сташа ибо несть места, где имѣ разступитися; и тако сташа, копиа покладше, стѣна у стѣны, каждо их на плещу предних своих имуще, преднии краче, а заднии должае. А князь великий такоже с великою своею силою русскою з другаго шоломяни поиде противу им. И бѣ страшно видѣти двѣ силы великия сънимающесе на кровопролитие, на скорую съмерть; но татарская бяше сила видѣти мрачна потемнена, а русская сила видѣти въ свѣтлыхъ доспѣхах, аки нѣкаа великаа рѣка лиющися, или море колеблющесе, и солнцу свѣтло сияюще на нихъ и лучи испущающи, и аки свѣтилицы издалуче зряхуся»¹⁸. Судя по данным топографии местности, ордынский авангард двигался на северо-восток, то есть почти спиной к солнцу. Это были, как можно заключить из приведенного текста, не татарские всадники, а «фряжские» копейщики генуэзской пехоты. Навстречу им шли, очевидно, пешие ратники русского ополчения, чьи металлические доспехи блестели в лучах взошедшего солнца. Приведенный текст передал впечатления не участника самой битвы, а стороннего наблюдателя, который, не будучи человеком военным, принял генуэзских воинов за татарских.

Смущавшая исследователей цифра 400000 находилась во фразе, где речь шла об общем количестве участников сражения. При переписке часть этой фразы попала не на свое место, в результате чего цифра 400000 стала восприниматься как численность одного только русского войска. Привожу предполагаемый исходный текст: «И тако поидоша обѣ силы вмѣсто сниматися, отуду татарская сила великаа, а отселѣ самъ князь велики Дмитрий Ивановичъ, со всѣми князи русскими; и бѣ видѣти русьская сила неизреченна многа, такоже и татарьская сила многа зѣло. И уже близъ себя сходящимся обѣимъ силамъ, яко вѣщше четырехсот тысящъ и конныя и пѣшия рати»¹⁹.

Ранее в Никоновской летописи была сообщена общая численность русской армии после ее переправы через Оку у Лопасны: «вѣщше двоусотъ тысящъ»²⁰. Естественно, что количество московского войска никак не могло вырасти еще на 200 тысяч за счет прибывания отставших после перехода границы враждебного Москве Рязанского княжества.

По-видимому, для согласования с упоминанием 400 тысяч в приведенной выше фразе Никоновской летописи в ней появились два уже излишних по своему общему смыслу повторения понравившейся редактору гиперболы. Таковым предстает дополнение информации о размерах потерь: «Тогда глагола князь великий Дмитрий Ивановичъ: “изочтите, братие, колико осталось всѣх нас”. И изочтоша, и глагола Михайло Александровичъ, московьской бояринъ: “Господине княже, осталось всѣхъ насъ 40000; а было всѣхъ вѣще четырехсотъ тысящъ и конныя и пѣшия рати”»²¹.

Состав русского войска на Куликовом поле, отраженный в перечнях числа погибших его предводителей из разных земель и княжеств, не раз подвергался обсуждению в общеисторических трудах. При этом упоминания новгородских воевод, как и более или менее подробные сведения о прибытии новгородского контингента, которые находятся в разных редакциях Повести о Мамаевом побоище, обычно признавались плодами вымысла или даже квалифицировались как баснословие. Основанием служило отсутствие упоминаний о роли новгородцев в старших летописях не только Москвы, но и Новгорода.

Такое мнение, однако, не разделял опытный исследователь летописей А. А. Шахматов. По его заключению, «самый скептический ум не решится признать выдуманными некоторые факты», о которых сказано в Повести о Мамаевом побоище. В данной связи А. А. Шахматов назвал упоминание «о прибытии новгородцев в числе 7000 человек» [Шахматов, с. 175].

Однако точка зрения А. А. Шахматова у советских историков поддержки не получила. В 1966 г. автор подробнейшего сочинения, специально посвященного исторической основе Повести о Мамаевом

¹⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 58. Более подробно уникальные известия Никоновской летописи, относящиеся к сражению на Куликовом поле, я рассматриваю в другой статье.

¹⁸ Там же. С. 59.

¹⁹ Там же. С. 59. При цитировании устранена ошибочная перестановка группы слов «яко вѣщше ... пѣшия рати».

²⁰ ПСРЛ. Т. XI. С. 55.

²¹ Там же. С. 65.

побоище, Ю. К. Бегунов вообще обходит данный вопрос молчанием [Бегунов, с. 477–523]. Правда, предшественник Ю. К. Бегунова Л. А. Дмитриев в 1958 г. в комментарии к изданию Повести о Мамаевом побоище упомянул было ее сведения об участии новгородцев в Куликовской битве как достоверные²², но в позднейшей статье, помещенной на страницах того же сборника, что и работа Ю. К. Бегунова, упоминает их уже как недостоверные [Дмитриев, с. 426, примеч. 54]. Такое негативное мнение закреплялось и в научно-популярной литературе.

Но в 1972 г. были опубликованы результаты достаточно полного разностороннего изучения комплекса сведений по данной проблеме. Оно позволило показать участие Новгорода в событиях 1380 г., объяснило причины умолчаний об этом в летописях и подтвердило правоту А. А. Шахматова [Азбелев, 1972, с. 77–102].

Источником упомянутых выше сведений немецких хроник и «Вандалии» Альберта Кранца была, по-видимому, информация, сообщенная делегатами от Новгорода на ганзейском съезде 1381 г. в Любеке и передававшая рассказы новгородских участников событий 1380 г. Новгородцы тогда подверглись нападению литовцев во время своего возвращения с Куликова поля. Бой новгородцев с литовцами произошел, вероятно, у речки Синяя Тулица, притока Тулицы, являющейся правым притоком Упы, — в 7 километрах на северо-восток от теперешней Тулы и в 70 километрах севернее места сражения между войском великого князя Дмитрия Ивановича и армией Мамаю на Куликовом поле. Отсюда — неточность географического указания немецких источников, будто бы сама «великая битва» русских с татарами была «у Синей Воды»²³. Новгородцы рассказывали о двух сражениях, в которых им пришлось тогда участвовать. Название речки, у берегов которой произошел второй бой, немецкие слушатели приняли за указание места той «великой битвы», в которой с обеих сторон, согласно данным хроники Детмара, сражалось 400 тысяч, а погибло, согласно «Вандалии» Кранца, 200 тысяч.

Сведения иностранных современников об общем числе участников сражения на Куликовом поле, как я уже упоминал, близки наиболее ранним из дошедших до нас сведений русских летописцев. А. А. Шахматов даже возводил к недошедшей летописи не только информацию о новгородцах, но и большой комплекс других данных, которые содержатся лишь в Повести о Мамаевом побоище [Шахматов, с. 175–176]. Он как бы отвлекался от того обстоятельства, что и она могла непосредственно восходить к рассказам современников событий 1380 г. в такой же степени, как первоначальные повествования летописей. Со временем подобные рассказы, передаваясь из уст последующих поколений, обрастали гиперболами, которые не могли не влиять на составителей более поздних летописей, использовавших как письменные источники, так и устную традицию. Поэтому не приходится удивляться тому разнообразию в летописных указаниях численности русской армии, который отмечал в свое время Л. В. Черепнин.

Совокупность имеющихся источников позволяет заключить, что русское войско, отправившееся в 1380 г. на Куликово поле, составляло более 150 тысяч человек, из которых, по меньшей мере, 100 тысяч должны были стать непосредственными участниками великого сражения.

Литература

Азбелев С. Н. Сказание о помощи новгородцев Дмитрию Донскому // Русский фольклор. Л., 1972. Т. XIII. С. 77–102.

Азбелев С. Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007.

Азбелев С. Н. География сражения на Куликовом поле // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4 (54). С. 11–19.

Александровский А. Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле: Материалы и исследования / Отв. ред. А. К. Зайцев. М., 1990. С. 60–70.

Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 477–523.

Гагин И. А. Версия участия волжских булгар в Куликовском сражении // Сборник Русского исторического общества. М., 2006. Т. X (158). С. 475–481.

Двуреченский О. В. О. В. Находки предметов вооружения на Куликовом поле // Куликово поле и Донское побоище 1380 г. // Труды Гос. ист. музея. Вып. 150. М., 2005. С. 209–227.

Дмитриев Л. А. Вставки из «Задонщины» в «Сказание о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966. С. 385–439.

²² См.: Русские повести XV–XVI веков / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1958. С. 363.

²³ Ранее мною была предложена несколько иная гипотеза относительно происхождения географической ошибки в немецких источниках [Азбелев, 2007, с. 147], совместимая с гипотезой, излагаемой здесь.

- Журавель А. В.* Аки молния в день дождя. М., 2010. Кн. 1: Куликовская битва и ее след в истории.
- Кирпичников А. Н.* Куликовская битва. Л., 1980.
- Кучкин В. А.* Победа на Куликовом поле // ВИ. 1980. № 8. С. 3–21.
- Масловский Д. М.* Из истории военного искусства России: Опыт критического разбора похода Дмитрия Донского 1380 г. до Куликовской битвы включительно // Военный сборник. СПб., 1881. № 8. Отд. 1.
- Петров А. Е.* Куликово поле в исторической памяти: формирование и эволюция представлений о месте Куликовской битвы 1380 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 22–30.
- Селезнев Ю. В.* Стратегия и тактика Мамай: К вопросу о численности ордынских войск и маршрута следования к Куликову полю // Куликово поле: Вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 297–299.
- Селезнев Ю. В.* Темник Мамай противник великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского (историко-биографический очерк) // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси: События, памятники, традиции. Тула, 2001. С. 147–154.
- Тихомиров М. Н.* Куликовская битва 1380 года // Повести о Куликовской битве. М., 1959. С. 335–376.
- Чеботарев А. В.* В поисках Куликова поля // Нескучный сад. 2005. № 4 (15). С. 95–98.
- Черепнин Л. В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
- Шахматов А. А.* Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910.
- Krantz A.* Vandaliae. Hanoviae, 1619.